Возраст чувственности

Автор:
Элизабет Бикон

Возраст чувственности

Элизабет Бикон

Исторический роман – Harlequin #91

Ровена Уэстхоуп, вдова двадцати четырех лет, вернувшись в родной дом после гибели мужа на войне, вела тихую, скучную жизнь, как и должно в ее положении. Выручая непоседливую младшую сестру из очередной переделки, женщина знакомится с Джеймсом Уинтерли – представителем аристократического рода. Первое отталкивающее впечатление, которое мужчина производит на нее, несмотря на красоту и видимые достоинства, при ближайшем знакомстве сменяется сначала интересом, а потом и влюбленностью. Происходит это после того, как, нарушив приличия, Ровена подслушивает под окном его откровенный разговор с братом. Она понимает, что Джеймс совсем не такой человек, каким кажется. В его жизни немало тайн, боли и потерь. Несмотря на то, что они из разных миров, у Джеймса и Ровены много общего, и они могут помочь друг другу обрести счастье.

Элизабет Бикон

Возраст чувственности

Redemption of the Rake Copyright © 2016 by Elizabeth Beacon

«Возраст чувственности»

© «Центрполиграф», 2018

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

– Мистер Уинтерли очень красив, не так ли? – томно вздохнув, произнесла Мэри Карлинг.

– Такому франту самое место в Лондоне, сейчас туда как раз съезжается весь высший свет к началу сезона, – ответила Ровена.

– Не пытайся сменить тему, Ровена Уэстхоуп. Тебе двадцать четыре, а это возраст чувственности. Хочешь сказать, тебя не способен заинтересовать молодой, красивый и богатый джентльмен? Не представляю, как Калли Лафрен удалось затащить его утром в церковь, – с усмешкой проговорила Мэри, – впрочем, я благодарна ей за это, может, сегодня мистер Уинтерли удостоит нас своим вниманием?

Ровена украдкой взглянула на высокого, статного и, да, очень красивого брюнета и тут же опустила глаза. Мистер Уинтерли смотрел на нее! Одного этого взгляда оказалось достаточно, чтобы ее охватило волнение.

– Не обольщайся, Мэри, внимания мистера Уинтерли достойны лишь девицы на выданье с солидным приданым, – язвительно проговорила Ровена. – Состояние ему сейчас пригодится, ведь он купил поместье Брекли, а от дома остались едва ли не руины, – добавила она нарочито спокойным тоном. – Да, этот мужчина, безусловно, привлекательный, но слишком тщеславный и надменный, чтобы вызвать у меня интерес. Кроме того, в нем нет ничего достойного восхищения, кроме того, чем наделила его природа.

«А природа не поскупилась», – отметила Ровена про себя.

– Ты либо святая, либо лгунья, дорогая моя подруга, – усмехнулась Мэри и поспешила отвернуться, заметив обращенный на них взгляд мистера Уинтерли. – Желаешь продемонстрировать, что он не достоин твоего внимания?

– Ты жена и мать, Мэри Карлинг, тебе лучше знать.

– Я вышла замуж за Карлинга, едва окончив школу, – произнесла та и бросила на мужа взгляд, в котором была любовь, окрепшая за шесть лет, и зарождающееся легкое раздражение. – Но скажу, что твой мистер Уинтерли достоин твоего и второго взгляда, а также третьего и четвертого.

– Он не мой, хочу заметить. Уинтерли знает, что красив и станет ценной добычей для охотниц за мужьями. Даже слишком ценной, на мой взгляд.

Ровена вложила в каждое слово всю холодность, на которую была способна, и отвернулась, перехватив взгляд зеленых глаз необыкновенного оттенка, желая выразить презрение к молодому джентльмену. Она стояла в тени векового тиса и была уверена, что остается незамеченной, пока не появилась Мэри, засыпавшая подругу неуместными вопросами. Теперь из-за нее Уинтерли смотрит на Ровену так, будто она может бросить ему в спину жабу, стоит только отвернуться. Будь ей десять лет, как непоседе Эстер, она, несомненно, так и поступила бы, но подобное поведение немыслимо для здравомыслящей молодой женщины, к тому же вдовы.

– Лично у меня молодые люди, знающие себе цену, теперь вызывают симпатию. К тому же готова поспорить на свою лучшую шляпку, этот Уинтерли еще и прекрасный любовник. – Мэри позволяла себе временами коснуться интимных тем, хотя Ровена не желала обсуждать личную жизнь даже с близкой подругой. – Когда я смогу наконец подарить Карлингу второго сына, надеюсь, я буду еще достаточно молода и привлекательна, чтобы выяснить это, пока столь ценный экземпляр не увела у меня из-под носа какая-нибудь предприимчивая красотка.

– О, Мэри, что за ужасные вещи ты говоришь! Мы ведь всего несколько минут назад исповедовались перед Богом в наших грехах. Надеюсь, все, что ты сказала, не серьезно?

– Тихо, – прошептала Мэри и опасливо огляделась, чтобы убедиться в отсутствии невольных свидетелей их с Ровеной разговора, неподобающего старшей дочери викария. – И поэтому ты прячешься здесь и подглядываешь? Это то, чему ты научилась от своей свекрови? Если так, то хорошо, что она решила уехать и жить со своей сестрой, а тебя бросить на произвол судьбы, иначе и ты вскоре

превратилась бы в зануду, завела несколько визгливых собачонок, а это серое платье было бы самым ярким в твоем гардеробе и считалось бы праздничным!

– Это особый и очень редкий оттенок серого, называется «голубиное крыло». Между прочим, хочу заметить, что матушка Уэстхоуп была милостива ко мне, впустив в свой дом, когда я приехала из Португалии, имея при себе не многим более того, что было надето на мне. Я оставалась с ней дольше, чем мы обе предполагали, из-за того что она была безутешна от горя, и нашла в себе силы уйти, лишь когда мы смогли оправиться от потери Нейта.

Ровена защищала себя и мать покойного мужа, но с каждой минутой все отчетливее понимала, что Мэри во многом права.

– Какая, к черту, доброта, Ро? Эта старая грымза использовала тебя! – Как только речь заходила о ненавистной ей «матушке Уэстхоуп», подруга тут же забывала о манерах и превращалась в несносную девчонку. – Ты стала для нее бесплатной прислугой! Уверена, что не прошло и дня, чтобы она не упрекнула тебя в том, что ты жива, а ее драгоценный сынок нет. Очнись, дорогая моя, тебя унижали и попрекали слишком долго, пора возвращаться к нормальной жизни. И этот мужчина способен тебе помочь.

Мэри махнула рукой в сторону привлекательного брюнета, беседовавшего с невзрачным молодым человеком, изо всех сил старавшимся не остаться незамеченным на фоне блестящего собеседника.

– Кто этот джентльмен в коричневом пальто, Мэри? – Ровена ухватилась за возможность сменить тему. – Ты стала просто кладезем информации после того, как уговорила Карлинга переехать в роскошный дом его дяди, а не продавать его, когда тот, получив наследство, подумывал остаться в Бристоле.

– Так лучше для детей. Постой, ты назвала меня сплетницей? – Тон Мэри стал резким. Несколько секунд она хмурилась, будто обдумывала, стоит ли сердиться на слова Ровены, но затем пожала плечами и лукаво улыбнулась, словно согласилась с обвинением.

Ровена улыбнулась, она любила давнюю подругу, несмотря на ее несдержанность в высказываниях, а порой излишнюю назойливость.

– Что ж, ты права. Чем еще заняться в этой деревне, как не обсуждать соседей и смотреть, как растет трава на лужайке? Человек в этом скучном пальто – достопочтенный мистер Бовуд, его отец лорд Грисби – знатный сановник, влияние которого правительство предпочитает не афишировать. Если бы они не скрывали его деятельность, он был бы вынужден признать, что работает, а джентльмену, как известно, это не пристало.

Супруг Мэри был адвокатом, и она болезненно относилась к вопросу социальных различий, а потому Ровена поспешила переключить внимание подруги на детей – малышку дочку и подросшего сына. Она даже пыталась с интересом выслушать рассказ о последних достижениях отпрысков, но все это с целью вытеснить из головы мысли о мистере Уинтерли. Несмотря на сетования об однообразии семейной жизни и мечты иметь любовника, Ровена была уверена, что Мэри довольна своей ролью миссис Карлинг и любовь к семье и детям удержит ее от рискованной связи с красавцем мистером Уинтерли. Несомненно, она думала прежде всего о благополучии своей подруги, а вовсе не о том, что при виде высокого, широкоплечего мужчины с прекрасными манерами сама невольно лишилась дара речи.

– Так вот где ты спряталась, Ровена Финч? – раздался позади них высокий женский голос, прервавший увлеченный рассказ Мэри о первом прорезавшемся зубе дочери и порванных штанишках сына.

Подруги обернулись, и Ровена, смутившись под острым взглядом карих глаз Каллиопы, леди Лафрен, густо покраснела, поскольку ее появление привлекло к ним внимание того, кого Ровена старательно избегала.

Она пришла к мысли, что мистер Уинтерли походит на византийского принца в безупречном костюме, сшитом по последней моде, случайно оказавшегося в английской деревне. В нем чувствовались сила, отвага, благородство, и, судя по всему, он не был ограниченным денди, который заботится лишь о том, какое впечатление производит на окружающих. Но больше всего Ровену раздражало его самообладание. Этот Уинтерли, сознавая все свои несомненные достоинства, не был заносчивым гордецом и умел очаровать всех и каждого в Райн-Хилл.

Ровена и сама не могла определить, как она отнеслась к его вторжению в их круг, хотя это событие могло изменить ее скучную, в некоторой степени бесцельную жизнь. Ровена решила, что не будет иметь дело с красивыми джентльменами, впрочем, этот вряд ли воспримет ее серьезно, даже если ей

очень захочется этого. Она – ничем не привлекательная деревенская вдова, он же – брат виконта, красивый и обаятельный, как сам дьявол.

– Я уже давно не Ровена Финч, дорогая леди Лафрен, и тебе это отлично известно.

Она с нежностью посмотрела на женщину, которую помнила столько, сколько саму себя. Калли была внучкой окружного священника, который взял незаконнорожденную дочь лорда Лафрена на воспитание. Когда семья Финч прибыла в приход Кинге-Райн, на место службы отца, ставшего викарием – помощником преподобного Соммера, – Ровена едва научилась ходить, а ее брат Джошуа еще был в пеленках. Калли стала ей не просто подругой, а старшей сестрой, о которой можно было только мечтать.

– Я помню, – кивнула леди Лафрен. – Хотя замужество не принесло тебе счастья, – добавила она значительно тише, чтобы услышали лишь они трое.

Мэри закивала, соглашаясь.

– Калли права, – подтвердила она. – Тебе стоит к ней прислушаться. – Она повернулась и увидела призывно подающего сигналы мужа – их экипаж был готов, настало время возвращаться домой. – Надеюсь, тебе удастся заставить ее выбраться из раковины, миледи. Меня Ровена никогда не воспринимала всерьез, а к твоим советам прислушивалась. И это, замечу, оттого, что ты старше и мудрее, а не оттого, что благодаря титулу ты не только владеешь всеми землями нашей округи, но и имеешь право распоряжаться судьбами людей, в ней живущих, – не удержалась от колкости Мэри. – К тому же, как у жены Гидеона, у тебя значительно меньше дел, чем у меня. Последнее время мы почти не виделись, приятно, что ты снова дома.

– Очень рада. Постараюсь выкроить время в череде забот и для старых друзей. А теперь ступай, Мэри, настал мой черед наставлять Ро на путь истинный. Кстати, учти, брошенный тобой муж может однажды пожелать преподать тебе урок и уедет без тебя, если продолжишь вести себя столь же беспечно! – ласково улыбнулась Каллиопа, помнившая Мэри задиристой девчонкой и не раз выручавшая ее из бед.

– Что ж, раз все только и думают, как избавиться от меня, я удаляюсь. – Изобразив притворную обиду, Мэри расцеловала подруг. – Но не надейся, что я забуду о тебе, Ровена Уэстхоуп, и об одном известном нам джентльмене, и тебе советую о нем не забывать, – шепнула она напоследок.

– Еще немного, и мое терпение лопнуло бы, а за ним исчезла бы и симпатия к ней. – Калли проводила взглядом подругу, способную любого вывести из себя, но которую, несмотря ни на что, обе нежно любили. – Мэри говорит эти возмутительные вещи, чтобы скрыть, как она довольна ролью матери семейства и хозяйки дома. Она для нее так нетипична.

– Скоро ты примеришь эту роль на себя. – Ровена озабоченно оглядела бледное лицо Калли и по-прежнему небольшой живот. Первые месяцы беременности стали для подруги настоящим испытанием, оставалось молиться, чтобы ребенок родился здоровым, а Калли и Гидеон смогли стать счастливыми родителями, о чем всегда мечтали.

– Не пытайся сменить тему, Ро, – строго произнесла Калли. Похоже, она устала от обеспокоенных взглядов мужа и родных и была твердо намерена направить заботу на кого-то другого. – Ты дома уже месяц, а я почти тебя не видела, не говоря уже о возможности встретиться и поговорить. Каждый раз, когда мы тебя приглашаем, ты находишь неотложные дела, и Мэри говорит, что ты уклоняешься от всех приглашений соседей. Так не пойдет, моя дорогая.

– Ах, Калли, к чему все это? Я вдова, мне полагается жить в тишине и покое, вдали от соблазнов света. Почему всех так беспокоит мой образ жизни?

– Потому что тебе двадцать четыре, а не семьдесят четыре! Ты выглядишь грустной и потерянной. Жизнь со свекровью изменила тебя не в лучшую сторону. Эта женщина не вполне здорова, она привыкла лить слезы еще до того, как погиб в сражении ее сын. Мне страшно подумать, какой она стала сейчас. Одна мысль о том, что ты переняла ее отношение к жизни, приводит меня в ужас. Это никому не принесет пользы, дорогая, поверь, я знаю, о чем говорю.

Последняя фраза была произнесена с горечью, Калли не раз пожалела, что многие годы слушала эгоистичную и своенравную тетушку, вместо того, чтобы внять уговорам Гидеона, чей тон и выражения казались ей тогда слишком резкими, как и сейчас Ровене, которую она пыталась заставить «прийти в себя».

– Гидеон всегда был влюблен в тебя, Калли. Он смотрел на тебя с обожанием с той поры, как вы стали достаточно взрослыми, чтобы понимать, что такое любовь и страсть.

– Возможно, мы понимали, что означают эти понятия, но были слишком юны, чтобы знать, как с ними жить. Однако сейчас ты не сможешь сбить меня с толку напоминанием о совершенных мной в прошлом ошибках, потому что мы говорим о тебе, а не обо мне. Настало время заняться собой и строить будущее, Ровена, и в нем не должно быть тоскливых вечеров, заполненных написанием писем за эгоистичную и злобную старуху. Она способна сделать все, что ей нужно, самостоятельно. И не говори мне, что тебя устроит положение, например, гувернантки, я знаю, это не так.

– Почему нет? – Ровена была озадачена. – Ты сама посвятила воспитанию детей девять лет жизни и была вполне счастлива.

– Ты так в этом уверена? – спросила Калли таким тоном, будто хотела дать понять, что сожалеет о каждом дне, проведенном вдали от будущего мужа, и только сейчас, в ожидании ребенка, ей удалось обрести счастье и душевный покой. – Я не могу позволить тебе последовать моему примеру и провести впустую столь значительный отрезок жизни, Ровена. Ты представить себе не можешь, как мне больно осознавать, что близкий мне человек, почти сестра, решила похоронить себя заживо из-за единственной ошибки юности.

Ровена открыла рот, чтобы защититься от столь резких обвинений, но натолкнулась на суровый взгляд подруги и вздохнула:

– Я не такая сильная, как ты, Калли…

– Это не так, дорогая.

– Именно так. Тебе удалось стойко вынести потерю Грейс, а потом разлуку с Гидеоном, когда ты решила, что больше не можешь жить с ним. Ты не сломалась, а ведь мне было больно смотреть на вас тогда, хотя вы оба старались скрывать свою печаль. Я не раз пожалела, что дала тебе обещание никому не говорить, куда ты уехала. Будь я хоть чуточку хитрее, непременно рассказала бы обо всем маме, а та разнесла бы весть по всей округе. Девять лет – слишком большой срок для затворничества и невыносимых страданий рядом с

бессовестной теткой.

– А теперь ты сама стремишься к тому же? Нет, Ровена, ты не должна отказываться от стремлений стать счастливой лишь потому, что брак с бравым лейтенантом принес тебе много страданий. И я не намерена бездействовать и смотреть, как ты губишь себя.

И вновь Ровена открыла рот, чтобы возразить, сказать, что они с Нейтом были счастливы до последнего его вздоха, но солгать, глядя в лицо подруги, не смогла.

– Я не могу поступить по-другому. Да, наши отношения были не безупречными, и, дабы не совершить повторной ошибки, мне лучше забыть о замужестве. Но я согласна с тобой в том, что мне пора перестать чувствовать себя виноватой, что я не лежу в сырой земле рядом с мужем, и построить свою жизнь так, как мне действительно хочется. Я ожидаю предложений на место гувернантки или учителя, наконец мне удастся найти достойное применение тем знаниям, которые передали мне отец и твой дедушка.

– Как приятно, что твои стремления позволят мне исполнить свой план. Мы с Гидеоном хотим предложить тебе место, пока ты окончательно не лишилась сил, трудясь в качестве бесплатной прислуги. Ты согласна, Ро? Будешь работать у нас? Пожалуйста, ты очень мне нужна! – взмолилась Калли. – Кроме того, насколько мне известно, юные дочери богатых родителей не стремятся получить образование. Мне встречались несколько прилежных девиц, скрасивших мои годы вдали от Гидеона, но мне не хочется, чтобы ты тратила драгоценное время на обучение юных леди, ведь обществу удобнее, чтобы их головы оставались пустыми, а натуры ветреными.

– Но вам определенно не нужна сейчас гувернантка, даже если родится девочка. В компаньонке для тебя тоже нет необходимости, каждую свободную минуту ты проводишь с Гидеоном. – Ровена улыбнулась подруге.

Возможность принять предложение Калли, сделанное лишь потому, что когда-то они вместе бегали по зеленым лугам, казалась абсурдной, как и просьба серьезно отнестись к мистеру Уинтерли.

Ровена задумчиво взглянула на взволновавшего ее мужчину. Лицо его казалось равнодушным, но глаза оставались холодными, взгляд напряженным, что подсказало ей, насколько он обеспокоен благополучием четы друзей. Ровена с некоторым удивлением отметила, что испытывает зависть. В браке с Нейтом ей отчаянно не хватало заботы, понимания, душевного тепла. Поначалу ей казалось, что со временем в их отношениях появится сердечность или даже то, что называют любовью… Но у судьбы на них были другие планы. Нейт ушел слишком рано, Ровене так и не удалось сполна насладиться замужеством. Впрочем, ее брак и со временем вряд ли стал бы лучше. Неужто ей и вовсе не суждено познать истинное счастье?

Ровена горько вздохнула и снова устремила взгляд на «византийского принца». Как бы там ни было, есть в этом Уинтерли нечто странное. Он уже довольно долго гостит у семейства Лафрен в Райн-Хаус и, вероятно, чувствует себя обязанным лорду и его жене.

– К сожалению, у меня не так много времени для общения с Гидеоном, хотя, проведя так много лет в разлуке, мы стараемся ценить каждую секунду, прожитую вместе. Надо сказать, это все сложнее, а ведь скоро еще появится малыш, с благословения Господа, – произнесла Каллиопа, возведя очи к небесам.

– Что я могу сделать для тебя, Калли? Матушка Уэстхоуп говорит, что я плохая хозяйка, так что в доме от меня мало пользы, – сказала Ровена, потупившись.

– Миссис Крибедж будет в высшей степени оскорблена, если я только намекну, что хочу нанять ей помощницу, она и ее подручные отлично справляются. Но мне нужен человек, который поможет мне с перепиской, а она, как ты знаешь, весьма обширна, а также возьмет на себя мои личные дела. – Предупредив возражения, Калли взяла Ровену за руку. – Уверена, с этими обязанностями ты отлично справишься. Ты всегда писала аккуратнее меня, и почерк у тебя лучше, – заверила она. – Полагаю, мне нужен секретарь, конечно, в основном они мужчины, но только представь, как отреагирует Гидеон, если я буду обращаться к его помощнику.

– На месте твоего мужа я была бы не в восторге, если бы ты регулярно общалась с другим представителем мужского пола, – ответила Ровена с понимающей улыбкой. – Но ты уверена, что тебе нужен человек, который будет помогать с корреспонденцией и прочими делами? Мне бы не хотелось думать, что эта мысль возникла, когда ты увидела меня, вернувшуюся домой без пенни в кармане.

Ровена не могла не сказать об этом, хотя работать вместе с дорогой подругой и жить в ее доме казалось лучшим, чего только можно пожелать. Так же сильно она желала еще лишь одного – никогда не встречаться с мужчиной, присутствие которого так ее смущало.

– Конечно, уверена. Я уже знаю, что буду занята с этим крохой, твоя помощь будет бесценна. – Калли улыбнулась и погладила живот, будто расставляя приоритеты будущего.

– Ты дашь мне несколько дней, чтобы обсудить все с мамой, папой и Джоанной? Если мне удастся отвлечь милую сестру и заставить подумать о чем-то, помимо ее ненаглядного мистера Гринвуда.

– Джоанна станет прекрасной женой священника. Покладистая, набожная, добросердечная – она подходит на эту роль лучше любой из нас. А вот Эстер – полная ей противоположность, настоящий сорванец! – Каллиопа перевела взгляд на младшую из сестер Финч, игравшую с другими детьми на лужайке у церкви. Энергия в ней била через край, она изо всех сил старалась быть лучшей среди товарищей, первой во всех затеях и играх. – Впрочем, она не похожа ни на одну из вас. Эстер такая живая, такая яркая! Уже сейчас видно, что она вырастет красавицей, от поклонников отбою не будет. У нее пылкое сердце. – Калли покачала головой, любуясь белокурыми локонами Эстер, выбившимися из-под шляпки. – Главное, чтобы ее не угораздило влюбиться в мужчину черствого или слишком серьезного, ей такой не подойдет. Он попытается обуздать, укротить ее вольный нрав, но куда там – с таким сорванцом ни один мужчина не сладит! Счастлива она будет лишь с близким по духу.

– У Эстер еще есть время. Она вырастет и приобретет манеры настоящей леди. С людьми случаются и более кардинальные перемены. Вспомни, в этом возрасте мы были такими же непоседами, как и она. Хотя, пожалуй, Эстер стоит сейчас объяснить, что нельзя выбирать более слабого противника, – заметила Ровена и погрозила сестре пальцем.

Перехватив многозначительный взгляд матери, Ровена расцеловалась с Калли, заверив, что обсудит с родными ее предложение, и направилась к детям.

– Представь, что тебе предложили работу в доме людей, которых ты совсем не знаешь, – сказала на прощание Калли. – Тогда тебе будет легче принять

правильное решение.

Ровена кивнула и поспешила на поляну, откуда доносились визг и крики побежденных соперников ее неуемной сестры. Необходимо вмешаться, прежде чем дело дойдет до слез. Видимо, придется прервать милую беседу родителей с Гидеоном, лордом Лафреном.

Глава 2

У преподобного Финча и его супруги прекрасные дети, но любопытно, как они все размещаются в доме священника? Слава Всевышнему, мисс Джоанна вскоре его покинет, ведь сегодня было объявлено о свадьбе. Пока следующая дочь не подросла, им надо поспешить выдать замуж бедняжку миссис Уэстхоуп, как думаешь? – Гарри Бовуд произнес это так небрежно, что Джеймс догадался: от друга не укрылся его интерес к хорошенькой молодой вдове.

Этот человек весьма прозорлив и всегда таким был. Джеймс решил, что следует соблюдать осторожность и реже смотреть на вдову.

– Да, у этой пары долгий и весьма плодотворный брак, – легко ответил он.

В голосе его слышалось равнодушие к замечанию друга, как и ко всему, что происходило вокруг, особенно к одной особе, всем своим видом желавшей дать понять, как много ей известно о жизни за пределами этого комфортного провинциального мирка. Ее манера была ему понятна, именно этим старшая дочь священника его заинтриговала. Ведь за весь месяц, что он провел в этой деревне под названием Райн-Хилл, она не сделала ничего, что может привлечь внимание мужчины или заинтересовать его.

С неохотой отвернувшись от играющих детей, Джеймс перевел взгляд на приятеля и добавил не без сарказма:

– Завидуешь? – и приподнял бровь, будто делая акцент, поставив себе цель смутить сына главы шпионской сети.

– Даже если бы я и подумывал о создании семьи, то вспомнил бы двух твоих отпрысков, живущих с новыми родителями по ту сторону Ла-Манша, и сей факт сразу бы меня охладил, – нервно парировал Бовуд.

Джеймс подавил вздох. Лучше оставить мысли о золотоволосых малышах с ясными голубыми глазами, познающих мир без его участия, и вернуться к делам насущным.

– Я безмерно благодарен тебе за все, что ты сделал, Гарри. Сейчас, когда Фуше узнал, что я не простой торговец, им могла бы грозить опасность. Только благодаря тебе я смог найти порядочных людей и дать детям спокойную жизнь.

– И все же ты так и не сказал мне, где находится ребенок Хебе. Два других, которых ты вытащил из ада перед самой гибелью их родителей, тоже могли остаться в семье. – Бовуд фыркнул и отвернулся.

– Чем меньше ты знаешь, тем лучше, учитывая, что глава полиции Бонапарта пойдет на все, чтобы уничтожить шпионское кольцо, что ему почти удалось, поскольку он немало вытянул из Хебе ле Курте, прежде чем тюремщики, перестаравшись с пытками, ее убили. Если бы ему удалось добраться до дочери Хебе, нам всем пришел бы конец.

– Не все люди столь милосердны, как ты, Джеймс, – заметил Бовуд.

Сочтя время неподходящим для воспоминаний о том, как ледяная рука сжимает шею, Джеймс запретил себе думать об этом и о том, насколько безжалостным может в определенных обстоятельствах быть его приятель. Мысли о неудавшейся операции в Париже заняли все его внимание, приглушили радостные возгласы детей и веселый щебет малиновки, устроившейся на ветке дерева. Непонятно, почему его не покидает желание вернуться туда и выяснить, что произошло? Перед глазами всплывали картины изуродованного тела любовницы, выброшенного на темную аллею в парке в самом центре города, следы усердия пытавших ее тюремщиков наводили ужас даже сейчас, стереть воспоминание не смогло даже мирное и солнечное воскресное утро. Ребенку Хебе не было еще и трех лет, скорее всего, малышка не вспомнит свою безрассудную красавицу мать.

– Это не милосердие, в чувство вины, – резко ответил Джеймс.

– Ты взвалил на себя заботу о ребенке той, с которой пару раз развлекся, и говоришь, что тобой движет чувство вины?

Бовуд позволил себе высказаться резче, чем следовало, и Джеймс взглядом предупредил его, что стоит быть сдержаннее.

– Положим, я заслужил эти муки, учитывая, что я сделал и не сделал за последние несколько лет.

– Общество ошибается на твой счет, Джеймс Уинтерли. В душе ты монах, а не праздный повеса.

– Ты и сейчас так считаешь? – усмехнулся он, подумав, как бы отреагировал монах на появившиеся у него неотступные мысли о старшей дочери преподобного Финча.

Первым желанием было снять с нее ужасный капор и провести рукой по роскошным золотистым волосам, увидеть, как смягчаются черты ее лица, что неминуемо должно было произойти при его появлении. Это подсказывал ему богатый опыт.

– Джеймс, лошади уже застоялись! – крикнул брат, переминавшийся с ноги на ногу в ожидании.

Усилием воли Джеймс выбросил из головы все, связанное с прошлым, а с ним и образ дочери священника в ее полумонашеском наряде.

– Я ничего не имею против того, чтобы пройтись пешком, Люк, – отмахнулся он несколько раздраженно. Всякий раз, глядя на брата, Джеймс вспоминал об их натянутых отношениях, и это особенно печалило в столь погожий воскресный день.

– Разумеется, ты можешь прогуляться, но что будет, если эти новенькие сапоги вдруг покроются пылью или на них, упаси бог, появится царапина?

– Отдам камердинеру, – пожал плечами Джеймс. – Конечно, сам я их больше не надену. – Он вздохнул с таким видом, будто состояние гардероба тревожило его

значительно больше, чем мнение брата.

– Ох и щеголь, – пробормотал лорд Фарензе. Джеймс улыбнулся. Это именно та реакция, которой он ожидал, так почему слова должны его задевать?

– Не обращай внимания, Люк, – вступила в разговор леди Хлоя Уинтерли, виконтесса Фарензе, посмотрев на мужа так, как и должна смотреть женщина, чей брак длился всего шесть месяцев. – Джеймс тебя дразнит.

Уинтерли не был уверен, нравятся ли ему такие качества своего характера, как остроумие и доброта. Сейчас, когда рядом находился всегда державшийся настороженно Бовуд, он был недоволен поведением брата, позволившего себе вынести на обозрение присутствующих сложности в их отношениях. В конце концов, именно из-за Люка Джеймс оказался втянутым в столь рискованное дело, и Бовуд был одним из немногих, кто знал о жизни братьев Уинтерли.

И как могло быть иначе, если летом, когда им было по семнадцать, а Люк только женился на коварной интриганке Памеле, Джеймс сам примчался в дом школьного друга и выдал Гарри все секреты. Как хорошо, что Люк все же нашел счастье во втором браке, хотя ему и потребовалось почти десять лет для осознания простой истины: жить без женщины, которую не смог разлюбить, он не сможет. Джеймс с содроганием вспоминал, что с братьями Уинтерли сделала Памела. Казалось, ее призрак и сейчас где-то рядом с удовольствием наблюдает, к чему привел раскол в их отношениях, тщательно ею организованный.

– Я рад, что способствовал тому, чтобы Финч со всем семейством жили в мире и покое, – вмешался в разговор лорд Лафрен, заставив Джеймса задуматься о том, что и он смог найти тихое убежище во время бури именно этим летом, и сэр Гидеон Лафрен женился во второй раз и вполне счастлив.

Они возвращались в Райн-Хаус в роскошной новой карете Гидеона. Лес вдоль дороги уже выглядел совсем по-осеннему, был украшен богатыми и яркими дарами боярышника и глянцевыми ягодами ежевики, сверкающими на октябрьском солнце. Джеймс не мог не признать, что появление Бовуда внесло приятное разнообразие в монотонную сельскую жизнь, в которую он решил окунуться после покупки пришедшего в упадок поместья Брекли близ Райн-Хилл, состоявшего из полуразрушенного дома, дюжины убогих хозяйственных построек и нескольких акров незасеянных полей.

Особняк Брекли, выстроенный из местного серого камня с медового цвета прожилками, был таким старым, что никто из местных жителей не помнил, когда его заложили. После того как Гарри узнал о причине, по которой Джеймс забрался в этот тихий уголок Англии, называть покупку поместья причудой, связанной с романтическим очарованием этих мест, уже не хотелось. И все же приятель в чем-то прав. При первом посещении поместья в душе появилось желание вернуть забытую на полвека развалину к жизни, наконец, построить что-то, а не разрушить, даже если он не заслужил счастья провести здесь годы с милой женушкой и выводком детей, что обычно и делает дом настоящим домом.

Гарри же был частью мира, в котором Джеймсу больше не было места. Он был выдавшим себя шпионом, а в их деле это самый бесполезный товар, от которого спешат избавиться. Отрадно, что даже после этого Гарри не отказался от дружбы с ним, но отчего-то в сердце не было благодарности и теплоты при взгляде на этого умного, хитрого и ловкого мужчину, как было в семнадцать…

На мгновение Джеймс словно вернулся в прошлое. В голове прозвучали жестокие слова Люка о том, что каждый, протянувший Бовуду руку с предложением дружбы, скоро узнает, каковы его представления о преданности. Сейчас Джеймс уже сомневался, что радужные надежды, возлагаемые на новую жизнь, которая позволит сохранить секреты юности, как он полагал тогда, оправдались. Проведя лето во Франции, получив возможность стать свидетелем всех трагических событий и эйфории революции, он доложил обо всем лорду Грисби. А затем проделал путь до самого Оксфорда, сохранив стойкое чувство, что узнал больше, чем следовало, а вместе с этим и уверенность в том, что стремление брата избежать встречи с ним не ранит так сильно, как могло бы.

Последующие три года Джеймс путешествовал по отдаленным уголкам Европы, не переставая убеждать себя, что замок Даркмер, при всей его захватывающей красоте, недоступен ему, как и дружба брата. Он проводил лето в Италии и Австрии, даже пережил незабываемое приключение в России, что наилучшим образом подготовило к будущему, полному обмана и разочарований, и все чаще думал, как бы все сложилось, не прибеги он в тот день к Гарри? Что с ним произошло бы, найди он в себе силы остаться дома и справиться с тем, что предал Люка, пережить муки уязвленной гордости, понять поступок брата, выгнавшего его из дома, что, впрочем, было меньшим проступком по сравнению с его собственным?

Догадки и умозрительные построения теперь были бесполезны, однако благодарность Джеймса старому другу была все же меньше, чем, видимо, полагалось. Что это? Еще один из темных уголков души, в которые он боялся заглядывать, чтобы вновь не почувствовать себя трусом? Время не стерло из памяти последний ужасный разговор с братом, лишь сделало собственное предательство еще страшнее.

«Ты спал с моей женой?»

Он слышал этот оставленный без ответа вопрос столь же ясно, словно Люк задал его не семнадцать лет назад, а секундой ранее. Несколько слов заставили Джеймса осознать, что в тот день его жизнь закончилась. Все, что он смог тогда предложить в ответ, – трусливое молчание, так и не нарушенное до самого отъезда. Люк отвернулся от него и каждый раз при встрече с единокровным братом вел себя так, будто один вид его доставлял неимоверные страдания. «У меня больше нет брата», – сказал он позже. Положение не изменилось до сих пор, несмотря на неимоверные старания новой жены Люка перебросить мост над пропастью между братьями, созданной ее предшественницей.

– Черт возьми, Хлоя, почему я не могу присутствовать при оглашении завещания? – с возмущением вопрошал Люк несколько дней спустя, когда они застали брата в библиотеке Райн-Хаус.

Джеймсу было позволено оставаться в поместье Лафренов сколь угодно долго – работать над чертежами по восстановлению Брекли и приданию дому былой красоты. Джеймс привнес в архитектурный план усадьбы некоторые современные черты, а также намеревался применить в обустройстве дома собственные оригинальные идеи. Работать над проектом дома его мечты было необычайно увлекательно, однако в глубине души Джеймс сомневался, что его планы будут реализованы.

– Потому что это моя обязанность – следить за исполнением воли тетушки Вирджинии и поговорить с каждым ее наследником перед наступлением означенного ею времени года. Хотела бы я посмотреть на тебя, если бы брат присутствовал при моей встрече с тобой.

– Но тогда ты не была моей женой, – возразил Люк.

– И никогда бы не стала, если бы подозревала, что ты мне не доверяешь.

– Тебе я доверяю, но вот ему… – отчеканил Люк и нахмурился, отчего Джеймс застыл с полуулыбкой на лице, хотя у него не было ни желания, ни повода улыбаться, ведь Хлоя стояла перед ним с пухлым конвертом в руке.

Осознав наконец, о чем идет речь, Джеймс пожал плечами и посмотрел на Люка:

– Ты волен остаться, если пожелаешь, брат.

Люк и Хлоя посмотрели на него с недоверием.

Видимо, его беззаботность и равнодушие показались им наигранными.

– Ни для кого из нас не станет неожиданностью то, что скажет мне леди Хлоя. Я последний в списке, оставленном Вирджинией в завещании, последний в числе болванов, которым предстоит в этом году плясать под ее дудку. Надеюсь, нам не предстоит еще одна свадьба? В последние месяцы их и так было немало.

– Что ж в том плохого? – Леди Хлоя невинно захлопала ресницами и повернулась к мужу, ожидая поддержки и подтверждения, что он тоже не видит в этом ничего страшного.

– Женитьба не входит в мои планы, кроме того, можете ли вы представить меня в роли отца семейства, которая вас так радует?

– Хм, в начале года я тоже, возможно, счел подобное невозможным для себя, но всякое случается, если очень захотеть. – Люк посмотрел на супругу с обожанием, наводящим Джеймса на мысль, что сейчас ему следовало бы покраснеть, если бы он знал, как это делается.

– Что ж, супружеская жизнь – ваш удел, а я предпочту остаться холостяком. Надеюсь, даже Вирджинии не пришло в голову заставить меня жениться. Я намерен поселиться в той части Райн-Хилл, где вы будете видеть меня так редко, как только пожелаете, дорогой брат, что дает каждому из нас возможность жить так, как заблагорассудится, я же готов передать право продолжения рода Уинтерли вам.

Судя по тому, как нахмурился Люк и залилась краской Хлоя, он понял, что они усердно трудились на ниве продолжения рода. Прежде чем выйти из комнаты, Люк попросил жену закончить разговор с его неблагонадежным братом по возможности скорее, а потом дать распоряжение горничной подготовить все необходимое для их завтрашнего отъезда в Даркмер.

– Почему ты всегда провоцируешь его, Джеймс? – спросила Хлоя с такой грустью в голосе, что Джеймс прикусил язык и воздержался от колкого ответа.

– На мой взгляд, это проще, чем пытаться разбудить наши умершие друг к другу чувства, дорогая Хлоя. Прошу тебя, не начинай обреченную на провал кампанию по восстановлению братской любви, в этом даже Вирджинии не удалось преуспеть.

– Я уверена, что любовь не умирает так быстро, как ты полагаешь. Люк мастер скрывать свои чувства, да и ты ему не уступаешь.

– Возможно, но признай: некоторые вещи лучше хорошо спрятать.

– Время покажет, – ответила Хлоя и посмотрела на него в упор, словно бросая вызов его нежеланию сохранять надежду, что братская любовь может возродиться между ним и ее мужем. – На этот год Вирджиния предсказала три события, надеюсь, что и четвертое сбудется.

Хлоя протянула письмо. Джеймсу ничего не оставалось, как взять конверт, содержимое которого он до дрожи боялся увидеть.

– Или не произойдет, – добавил он. – Не стоит надеяться на многое, Хлоя.

– Твоя мудрая тетушка Вирджиния научила меня не терять веру, Джеймс, – тихо произнесла Хлоя и отвернулась, позволяя ему прочитать послание от той, к кому он испытывал самую сильную любовь, на какую был способен.

Дела придется отложить. Джеймс свернул большой лист с планом дома и захлопнул книгу с записями. Внутреннее волнение заставило его отказаться от идеи вскочить на коня и умчаться подальше в лес, в самый уединенный уголок, а потому он просто вышел в парк, вид на который открывался из огромных окон

библиотеки лорда Лафрена. Пройдя по широкой дорожке, Джеймс остановился и приложил ладонь к карману, в котором дожидалось своего часа письмо тетушки, постоял несколько минут, надеясь, что красота природы и свежий осенний ветер вернут ему душевное спокойствие. Так и случилось, он почти пришел в себя.

Звуки мира природы, занятого последними приготовлениями к зиме, добавили уверенности, что ему не стоило приезжать в Райн-Хилл, не надо было позволять себе слабость привязаться к щедрым на краски пейзажам этих мест и птичьим трелям, а особенно к старой усадьбе на холме в десяти милях от Райн-Хаус. Нельзя забыть, что произошло в его жизни, но здесь никто не должен видеть, как велико его горе и тоска по женщине, не ослабевающая даже спустя девять месяцев после ее кончины.

Джеймс был почти уверен, что тетушка Вирджиния устала от жизни и готова была покинуть этот мир еще до того, как ее забрала последняя скоротечная болезнь. Однако это событие увеличило количество трещин в броне, созданной им много лет назад для защиты сердца от мира, теперь же он еще отчетливее ощущал, что их становится больше.

Много месяцев прошло с тех пор, как он приехал в эти места, едва живой после смерти Хебе, ищущий неизвестно чего. Теперь же он влюблен в дряхлое имение и даже испытывает симпатию к последнему капризу Вирджинии. Джеймс живо представил, как бы она нахмурилась, услышав эти слова. Выходки покойной леди Фарензе, как ни странно, возымели положительное действие: Люк, Том и Гидеон нашли свое место в жизни, обзавелись семьями и стали достойными людьми. Однако на этот раз тетушка ошиблась: какое бы испытание она ни придумала для Джеймса, ее замысел не принесет достойного плода. Три хороших человека и один изгой.

И где он был? Ах да, прошедшее лето… Когда Фредерик Петерс, адвокат, превратился в сэра Гидеона Лафрена, наследника титула пэра и владельца великолепного старого поместья. Кроме того, он был внуком Вергилия Уинтерли – еще одного человека в коротком списке тех, кого Джеймс не мог не любить. Прекрасная и решительная Каллиопа, жена Гидеона, способствовала появлению еще одной трещины в броне, созданной им в семнадцать лет и сдерживающей его от привязанности к кому-либо. Теперь же Джеймсу казалось, что он слишком долго заставлял себя притворяться, хотелось сбросить бремя данного себе тяжкого обета. Однако делать этого не следует. Он должен покинуть Райн-Хилл прежде, чем причинит боль все этим людям, проникшим в его сердце. Исчезнуть

из их жизни, чтобы никто не пострадал от его бездумного чувства, как несчастная Хебе.

Джеймс решил, что прочтет письмо Вирджинии и немедленно уедет. Теперь он принадлежит сам себе, владеет поместьем, несмотря на то что похвастаться приобретением удастся нескоро. В Брекли он, Джеймс Уинтерли, повеса и искатель приключений, будет вдали от семьи, а значит, дорогие ему люди не пострадают.

Джеймс миновал парк в глубокой задумчивости и не заметил, как оказался на краю леса, у дендрария, известного во всем Райн-Хилл замечательной коллекцией растений. Он не раз бывал в этой части парка, и всякий раз этот дивный сад, истинный эдем, вызывал у него восхищение. Несмотря на то что родиной многих растений была не Англия, а Китай или обе Америки, влияние осени не миновало их, окрасив листву в золотистый, янтарный и багряный – цвета, которым Джеймс всегда отдавал предпочтение. Он мечтал создать хотя бы скромное подобие этого великолепия в Брекли, но потом изменил мнение, решив, что красивый сад вокруг дома будет смотреться лучше.

Со вздохом Джеймс опустился на скамью, установленную дальновидным хозяином подле Королевского дуба для тех, кого утомила долгая прогулка. Настало время достать письмо Вирджинии. Опасаясь удара, Джеймс решил дать себе еще пять минут и полюбоваться видом. Теплый солнечный день и очарование английской осени заворожили его, погрузили в безмятежное созерцание.

Очнувшись через некоторое время от звуков песни сойки, устроившейся в ветвях дуба над его головой, Джеймс почувствовал себя гораздо спокойнее, почти умиротворенно. Этому зеленому уголку не важно, был ли он надменным мистером Уинтерли или несчастным, одолеваемым навязчивыми идеями мужчиной в цвете лет, потерявшим смысл жизни. Мать-природа лишь желала, чтобы он не нарушал гармонию этого прекрасного места.

Глава 3

Наконец Джеймс нашел в себе силы, достал из кармана письмо и повертел в руках, будто пытался мысленно вернуться в тот момент, когда тетушка его дописала, подхватила тонкими пальцами, которые он до сих пор хорошо помнил, аккуратно сложила и убрала в конверт. Он пытался представить, какие чувства испытывала Вирджиния, завершая возложенную самой на себя обязанность оставить послания всем четверым «мальчикам», завещав вскрыть письма после ее смерти, каждое в начале нового сезона в течение одного года. Казалось, все они никогда не перестанут тосковать о ней, сколько бы месяцев и сезонов ни миновало.

Повинуясь воле тетушки, Люк смог сделать то, о чем всегда мечтал, и узнал сокровенные тайны Хлои. За ней крестнику Вирджинии Тому Банбургу, маркизу Монтейну, пришлось посмотреть в лицо своим детским страхам, затем Гидеон пережил замечательное лето, полное любви и откровений. Настала очередь Джеймса. Ему предстоит завершить год, за который так изменилась жизнь близких ему людей. Всем им пришлось исполнить то, чего требовала Вирджиния, вдохновленная данным им словом стать свободным от обиды на себя из-за брата.

В этом была горькая ирония. Джеймс грустно улыбнулся, думая о том, что тетушка попалась на приманку, поверив в его ложь. Она словно знала, что он может купить приглянувшееся ему полуразрушенное имение, не пробив брешь в состоянии, нажитом сомнительным путем.

Джеймс задавался вопросом, почему так случилось и почему он не решился поведать о богатстве. Даже брату, который жил вполсилы со дня свадьбы с первой женой Памелой. Это были почти десять загубленных лет, ущерб, нанесенный ими, невозможно возместить. К всеобщей радости, Вирджинии удалось изменить мнение упрямца о любви и браке с помощью своей загадочной экономки Хлои. Теперь Том Банбург и Гидеон Лафрен счастливы в браке, как и Люк со своей новой женой.

Джеймс вспомнил, с каким лицом Хлоя передавала ему письмо, будто знала, что он готов расплакаться, как ребенок. Судьба не дала повода Вирджинии надеяться, что он найдет себе подходящую партию, ему было бы неприятно ее разочаровать. Джеймс взвесил в руке конверт, наверняка в нем хранятся несколько страниц, исписанных аккуратным, убористым почерком, но помедлил, не решаясь сломать знакомую печать с двумя переплетенными буквами «В», всякий раз вызывавшими улыбку.

«Черт возьми, мальчик, чего ты медлишь? Ломай же эту штуковину!»

Голос Вирджинии так отчетливо прозвучал в голове, словно она нетерпеливо ходила тут же по лужайке, ожидая возможности высказаться. Джеймс опасливо огляделся, как в те моменты, когда тетушка заставала его врасплох за какой-нибудь шалостью. Присутствие тети ощущалось так отчетливо, что он даже еще раз поискал ее глазами, вдруг она где-то прячется.

«Не глупи, сверхъестественные способности не нужны, чтобы понять грязные мыслишки подростка, а ты сейчас не многим отличаешься от себя тогдашнего», – с усмешкой укорил себя Джеймс.

Это было уже слишком для тихого уголка и царящей безмятежности. Джеймс решительно поддел сургуч перочинным ножом, который тетушка непременно конфисковала бы у него в детстве. После сводящих с ума воспоминаний о потере любящей его женщины девять месяцев назад ни одна встреча с прошлым уже не должна вывести его из равновесия.

«Дорогой Джеймс!

Еще раз хочу напомнить, как сильно я тебя люблю.

Не стоит удивляться и спрашивать: «Меня?» Да, я люблю тебя и всегда любила. С первой минуты, как увидела орущего малыша, я поняла, что ты особенный, что разобьешь чугунную уверенность твоей матери в том, что станешь одним из ее рода, и вырастешь настоящим Уинтерли. Теперь я люблю тебя не только за это, люблю тебя самого и прошу это принять. Ты добрый, любящий и к тому же, нельзя не признать, любвеобильный мужчина.

Хочешь спросить, зачем я все затеяла? Мы оба хорошо знаем, что тебе нет нужды беспокоиться о состоянии, ты получишь его в тот день, когда Гидеон выполнит свое задание, к большой радости Хлои. Надеюсь, она и Люк очень счастливы, а Гидеон достиг того, к чему вело его сердце. Я поставила для них цели, к которым они и сами в душе стремились, за исключением, пожалуй, моего милого Тома. Пришлось силой заставить его сделать то, что он никогда не считал лучшим для себя.

Тебе, как и ему, знакомо чувство боли, когда тобой манипулируют и ранят те, кто должен заботиться и оберегать. Прошу, присматривай за Томом, чтобы он не наделал глупостей, и удостоверься, что он отправился в замок Дейспринг и поборол свои страхи».

Джеймс оторвался от письма, поднял голову и невольно улыбнулся мысли, что Том может пуститься во все тяжкие сейчас, когда рядом с ним любимая женщина. Новой маркизе Монтейн это точно не понравилось бы, ведь она дала клятву любить мужа до конца дней. На душе Джеймса внезапно стало легко от того, что все трое выбрали себе спутниц жизни; он понял, что Вирджиния по-настоящему волновалась за них и поступила мудро и верно. Гидеон стал ему близким другом, а его новая жена Калли – почти сестрой. Кто бы мог подумать, что он будет испытывать родственное чувство к такой красавице, незаконнорожденной дочери сына лорда Лафрена и новой хозяйке Райн-Хаус?

В его жизни появились новые люди, которые, как оказалось, сами себя плохо знали. Калли по-прежнему считала себя строгой классной дамой, даже сейчас, когда рядом был обожавший ее супруг. Джеймс нахмурился при мысли, что вынужден был поселиться в доме новых родственников, чтобы защитить их от жестоких зверей, знавших о слабых местах Калли и способных воспользоваться ее уязвимостью. Он с первого взгляда проникся чувством к старому поместью Брекли, но, пожалуй, пора что-то менять.

Почти физически ощущая нетерпение Вирджинии, будто тетушка действительно была рядом и подгоняла его, Джеймс вернулся к прочтению письма:

«Что же касается Гидеона, ты бы смог полюбить его и его жену, если бы себе позволил».

Джеймс не выдержал и рассмеялся. Ведь он был так близок к тому, чтобы стать для них не только другом, но и родным человеком. Поистине, никто не сможет обвинить Вирджинию в отсутствии чувства юмора и прозорливости.

«Ты стал достойным человеком, Джеймс, и я надеюсь, в скором времени ты станешь опорой семьи Уинтерли. В тебе есть сила и стремление стать лучше, хотя ты и отказываешься это признавать. Я искренне желаю, чтобы ты глубже

познал самого себя, чтобы не остался одиноким, наблюдающим с горечью, как жизнь проходит мимо. Мне жаль, что твоя мать все же заразила тебя своими ядовитыми амбициями, к счастью, ты слишком благороден, чтобы завидовать единокровному брату – наследнику титула и положения. Надеюсь, что Господь благословит ее и твоего отца и пошлет им еще детей, которые заставят забыть о подобных глупостях.

Я рада, что тебе и Люку удалось полюбить остальных моих мальчиков. Люк женился на Памеле, поддавшись прихоти и идеям, вбитым ему в голову отцом, считавшим, что сын должен жениться, чтобы стать достойным наследства, которое он готовился ему передать, когда понял, что конец его близок. Памела с самого начала делала все, чтобы разрушить их брак, потому что знала: Люк ее не любит. Сама она была неспособна испытывать к кому-либо нечто подобное, хотя сердце ее жаждало любви, как скупец золота. Я уверена, она принесла несчастье вам обоим, но не берусь вновь бередить старые раны, до сих пор причиняющие боль. Любовь к вам обоим останавливала меня при жизни, а после смерти я лишь скажу, что исполнение задания займет у тебя больше времени, чем у остальных, потому я и поставила тебя в очереди последним.

Тебе, мой милый, предстоит научиться любить и доверять предмету любви. Будь она любовницей, женой или другом, ты должен будешь открыть ей сердце, чего ты никогда не позволял себе с женщиной с семнадцати лет, с той поры, как Люк женился на этой ведьме, наложившей заклятие на вас обоих. Твое юношеское намерение оградить себя от самых прекрасных чувств и эмоций, переживаемых человеком, очень меня печалит. Мне любовь принесла только радость, и я никогда не пожелала бы, чтобы этого опыта не было в моей жизни, несмотря на то что после кончины любимого горе и страх охватили меня с такой силой, что казалось, я способна лишиться разума. Любовь надо беречь и ценить, а не бежать от нее, как ты, похоже, считаешь.

Итак, дорогой Джеймс, твоим заданием будет научиться любить со всей страстью, силой и юмором, несомненно, тебе присущим. И не качай головой; я знаю, это так, хотя ты и скрываешь это от всего мира. Ты особенный, мальчик мой, и очень дорог мне. Люк всегда хотел любить брата, и мне жаль, что главной целью жизни твоей матери было убить в нем это чувство. Впрочем, тебе решать, насколько ледяными будут ваши отношения. Если ты полагаешь, что поступаешь правильно, оградившись от семьи, я принимаю твой выбор, хотя и беспокоюсь за вас».

Джеймс оторвал взгляд от письма и стал бесцельно разглядывать окружавший его лес. Да, у него есть веская причина держаться подальше от тех, кого любит. Все эти годы грудь сдавливала боль, словно ее стянули тугой повязкой, разорвать которую можно лишь с уходом из жизни. Джеймс покачал головой, сожалея, что оказался трусом и не стал бороться. Неужели ему предстоит вновь испытать то отчаяние, гнев и чувство собственной бесполезности, и все лишь для того, чтобы идти вперед? Нет, на этот раз Вирджиния ошиблась. Похоже, ему предстоит стать единственным, кто не выполнит ее последнюю волю.

– Триплет – прекрасный результат, дорогая тетушка, – прошептал Джеймс, глядя в бледно-голубое октябрьское небо.

«Но фулл-хаус лучше!» — пронеслось в ответ в его голове.

Джеймс вновь оглянулся, ожидая увидеть Вирджинию, а потом вновь ругал себя за глупость. Сейчас, проникаясь духом послания, он осознал, что тетушка не похожа на ту, которая всего год назад приводила в порядок свои дела и бумаги, хотя и тогда его поражала ее стойкость. Он боготворил эту женщину, был привязан к ней до самого последнего ее дня. Ему есть над чем поразмыслить. Вирджиния хочет, чтобы он отдал свое сердце, но не слишком ли поздно что-то менять?

«Глупости, мой мальчик!»

Голос в его голове возродил пустую надежду вновь увидеть тетушку и поговорить с ней. Что бы тогда он ей сказал?

Джеймс вновь взялся за письмо:

«Я говорю совсем о другой любви. Мы с Вергилием старались научить вас с братом и Томом любить и на этой основе строить свою жизнь. Любовь между мужчиной и женщиной, искренняя, безграничная, очень отличается от глубокого чувства к членам семьи. Такая любовь – подарок судьбы, озаряющий светом все вокруг, и не имеет значения, как долго влюбленные будут вместе. Я хочу, чтобы ты испытал такую любовь, Джеймс, чтобы душа моя была спокойна за тебя и я воссоединилась с моим дорогим и безгрешным Вергилием на небесах».

– Да ты меня шантажируешь, дорогая тетушка, – пробормотал Джеймс и нахмурился, увидев кружащего в небе ястреба точно над старым Королевским дубом – украшением имения Лафренов. – Я занимался любовью с самыми красивыми женщинами и ни в одну из них не был влюблен. Если бы какая-то из них была способна вызвать чувство, я бы сразу понял, что тут не обошлось без божественного провидения.

«Ты просто не там искал», – прозвучал в голове отчетливый ответ упрямой Вирджинии.

Сердце сжалось, стоило ему представить себя влюбленным, и он поспешил унять внезапные фантазии. Тетушка полагает, что ему посчастливится встретить идеальную женщину? Эта мысль заставила Джеймса презрительно усмехнуться. Если такая и была бы в этом мире, он скорее постарался бы заставить пасть ее, чем сам стал святым. Подобное поведение было ему больше по душе. Он никогда не позволит чувству поглотить его, тем более впустить кого-то в свою душу и разрешить распоряжаться его чувствами. Скептически покачав головой, Джеймс перевел взгляд на лист бумаги, решив скорее дочитать послание и проститься навеки с единственной женщиной, которую он по-настоящему любил.

«Что бы ни происходило в жизни, иди по ней смело и никогда не закрывай сердце для любви к близким. Постарайся побороть свою гордость и позволь себе нежность и искренность чувств к человеку, который будет рядом. Мне повезло влюбиться в вашего дядю с первого взгляда, и это не единственное чудо, которое посылает Бог нам, грешникам. Поверь, если бы я могла иметь сына, хотела бы видеть его таким, как ты, Джеймс. Избавься, наконец, от презрения и ненависти к себе, с которыми так давно борешься по причине мне неизвестной.

Надо заканчивать, а мне очень непросто себя заставить. Перо мое нуждается в заточке, да и я, откровенно говоря, устала от такой восхитительной, непредсказуемой и все же прекрасной, но столь утомительной жизни. Не надо скорбеть обо мне, мой любимый. Я вполне готова к новому приключению, которое ждет меня по ту сторону завесы. Если Господь позволит мне, грешнице, войти в рай, я буду счастлива вновь увидеть моего драгоценного Вергилия, который давно ждет меня.

Прощай, мой любимый, живи счастливо и по совести. Я молюсь, чтобы однажды тебя полюбила хорошая женщина, несмотря на всю твою убежденность, что ты

этого не достоин.

Вирджиния».

Джеймс заморгал и, подняв голову, стал опять разглядывать ястреба, кружившего в воздухе, пропитанном пряными ароматами осени, будто призывавшего сбросить с плеч тяжесть прошлых обид и ошибок и присоединиться к нему.

Вскоре рядом с ним появилась вторая птица, они беззаботно парили в небе, будто самым прекрасным для них был этот совместный полет. Для этих тварей божьих, чье существование наполнено лишь заботами о добыче пропитания и выведении потомства, возможно, так и было. Однако он, Джеймс Уинтерли, предпочитает ходить по земле и испытывать множество чувств и эмоций. Необходимо скорее вернуться в дом и сообщить супруге брата, что он не в силах исполнить волю тетушки. Его смущало еще и то, что он не мог понять, как относиться к ее заданию. Как человеку, неспособному любить, последовать примеру трех остальных «мальчиков»? Джеймс покачал головой, окончательно убедившись, что ему суждено стать единственным, кто не оправдал надежды тетушки.

Может, он должен отказаться от наследства и вернуть Гидеону то небольшое состояние, которое тот передал ему как адвокат Вирджинии? Впрочем, у него уже были планы на эти деньги, нет, он примет то, что было милостиво предоставлено ему. Их очень оскорбил бы его поступок, позволь он себе бросить деньги им в лицо.

– Вы отшельник, мистер?

Джеймс вздрогнул от неожиданности и повернулся на голосок, напоминающий звон колокольчика. Сначала ему даже показалось, что с ним говорит ангел, а не ребенок. Не совсем опрятного вида девочка смотрела на него, просунув голову между ветками раскидистого дерева.

– А ты пиявка? – спросил он вместо ответа, наблюдая, как девочка, на вид ей было не больше двенадцати, извиваясь, пытается забраться выше. Может, стоит подойти ближе, чтобы успеть поймать ее, когда она неминуемо свалится с

дерева?

– Конечно нет, разве я выгляжу так же отвратительно, как это скользкое существо?

– Только в подвешенном состоянии, бросая вызов всем законам гравитации.

– Вы очень странный. Я наблюдала за вами, пока мне не стало скучно, а потом решила забраться на вершину этого дерева.

– Значит, в том, что ты там, виноват я? Ты так собираешься объяснять своим несчастным родителям свой поступок?

– Нет, – уверенно ответил сообразительный ангелок, поразмышляв несколько секунд. – Они сразу поймут, что я лгу. – Девочка вскарабкалась еще выше.

Джеймс присмотрелся и только сейчас понял, насколько далеко она от земли.

– Ценное замечание, – спокойно ответил он и сделал несколько шагов к Королевскому дубу, будто просто решил укрыться под его кроной. На самом же деле им двигало беспокойство, было страшно представить, что может случиться с ребенком при малейшем неосторожном движении.

– Да, это серьезная проблема, – озабоченно вздохнула девочка.

В другой ситуации ее тон очень бы его рассмешил, но сейчас он смотрел вверх, затаив дыхание.

– Я знаю, как тебе надо поступить, – произнес Джеймс, стараясь не выдать волнение голосом. – Иногда бывает лучше промолчать, ведь ты сама и так знаешь то, что знаешь.

– Что? – переспросила маленькая искательница приключений. Похоже, она тоже посмотрела вниз и серьезно испугалась, поняв, как высоко забралась, но не желала дать понять, что от страха его не слушала.

– Ты уже выяснила, что сможешь забраться на это дерево. Может, достаточно? – Джеймс старался вести себя так, будто и не думал уговаривать ее спуститься скорее вниз, пока она случайно не сорвалась.

– Скучно знать то, что больше никому не известно.

– Да, пожалуй. – Джеймс пожал плечами. – Но ведь о твоих успехах знаю я.

– Не знаете, – возразила девочка. – Я ведь еще не добралась до самой вершины.

– Но до нее очень далеко. Ты и так забралась выше, чем кто-либо другой, кого я видел, разве этого не достаточно, по крайней мере на сегодня? С моей точки зрения, по-настоящему смелый и умный человек – тот, кто знает, когда надо остановиться.

Последнее высказывание заставило девочку задуматься, и Джеймс возблагодарил Бога, увидев, что ветки больше не раскачиваются – вторжение чужака на вершину дерева приостановлено.

– Вы правда считаете, что добраться сюда уже большое достижение?

– Разумеется, тебе позавидовала бы сама Жанна д’Арк.

– Ее же сожгли, – неуверенно произнесла девочка.

– Да, все верно. Я хотел сказать, что даже величайшая из женщин не добилась бы большего. Подобное не под силу ни одной моей знакомой.

– Ни одной? – По тону девочки было ясно, что она невысокого мнения о его подругах.

– Возможно, одна и смогла бы забраться так же высоко, но… она умерла год назад, да и была уже не в том возрасте, чтобы лазить по деревьям. Но в твоем возрасте она точно бы сидела на ветке рядом, – заверил он девочку.

– И вы полагаете, она бы сочла, что дальше подниматься не стоит? – задумчиво спросила та.

– Я в этом уверен. Она была самой отважной женщиной из всех, что я знал, но даже она сочла бы достигнутое вполне достаточным, чтобы доказать свою смелость и бесстрашие. А теперь я прошу тебя спуститься вниз, у меня уже затекла шея. Я говорю очень серьезно.

– Раз так, вы можете просто уйти, – произнесла девочка, надув губки.

Джеймс вздохнул, склоняясь к тому, что, похоже, ему придется поставить под угрозу две жизни и подняться на дерево, чтобы снять упрямицу. Если же девочка будет настаивать и решит забраться выше, он сможет не поймать ее при возможном падении, даже выбрав верное местоположение. Оценив еще раз ситуацию, Джеймс пришел к выводу, что некоторые ветки дерева слишком тонкие и не выдержат его веса. Остается лишь громко кричать и звать лесничего, надеясь, что он окажется мужчиной стройным и легким, а также достаточно ловким, чтобы справиться.

– А ведь меня ждет на ужин жаркое из ягненка и яблочный пирог, – произнес он, будто разговаривая с самим собой. Возможно, при упоминании еды девочка вспомнит, что не ела по крайней мере последний час; выложенный им козырь способен изменить планы отчаянной авантюристки.

– Было бы неплохо поужинать в вашем доме.

– Полагаю, если мы договоримся, я бы пригласил тебя в один из вечеров. Насколько мне известно, в доме всегда есть сливовый пирог, которым угощают внезапных гостей в любое время. Хотя не думаю, что он бы тебе понравился.

– Почему же?

– По-моему, только мальчики любят сливовый пирог.

– Я не хуже любого мальчика, и аппетит у меня лучше.

– Разве девочки не предпочитают взбитые сливки и бисквитные пирожные?

– Только не я.

Джеймс с восторгом наблюдал, как девочка медленно начинает спускаться, кажется сама не замечая, что делает. Он надеялся, что спуск дастся ей легко, она не сорвется, и старался вести себя спокойно, чтобы не отвлечь и не испугать своим волнением ребенка.

– А что ты не любишь? Я скажу об этом кухарке, – неожиданно для себя спросил Джеймс, будто не понимая, что ребенка лучше не отвлекать.

– Огурцы и рисовый пудинг.

– О, я тебя понимаю, худшего сочетания и не придумаешь.

– Балда, совсем необязательно есть их вместе.

Девочка скривилась и посмотрела на него с презрением, затем опустила глаза вниз и принялась нащупывать опору. Джеймс с замиранием сердца следил за каждым ее движением и с облегчением вздохнул, когда нога уверенно опустилась на сук.

– А как? – с интересом спросил он, глядя, как девочка нерешительно ступает на ветку, пробуя ее на прочность. К счастью, и на этот раз у нее все получилось, теперь она была еще ближе к земле, к огромной радости Джеймса.

– Самое отвратительное – рисовый пудинг. Он похож на лягушку, когда его жуешь, кажется, будто на тебя прыгнула отвратительная и холодная жаба.

– Отлично понимаю, что ты имеешь в виду, но, знаешь, его вполне можно съесть, если добавить ложку джема. Наверное, мне бы не удалось относительно спокойно пережить школьные годы, если бы брат не посоветовал добавлять к пудингу джем, иногда он еще придумывал болезнь, совершенно неизвестную и очень опасную.

– Жаль, что мои братья ничего не придумывают и нас заставляют есть холодный пудинг. – Девочка вздохнула и неожиданно проворно спрыгнула на две ветки вниз.

Джеймс прикинул, что до земли все же остается еще футов тридцать.

За спиной послышалась легкая поступь. Джеймс обернулся: поляну стремительным шагом пересекала стройная молодая женщина в сером платье с шалью на плечах. Сделав вид, что не замечает Джеймса, миссис Уэстхоуп устремилась к дереву. Обнаружив, что ее младшая сестра забралась так высоко, женщина побледнела. Она открыла рот, чтобы окликнуть девочку, но слова словно застряли у нее в горле.

– Эстер… – прошептала она еле слышно и застыла в оцепенении.

Джеймс понял, что спасение девочки в его руках: ошеломленная миссис Уэстхоуп сейчас была не в силах помочь ни сестре, ни ему. Однако сейчас не время было думать о себе или любоваться переливающимися на солнце золотыми волосами очаровательной женщины. Вздохнув, Джеймс строго посмотрел на неожиданную гостью и покачал головой. Он сделал все, чтобы держаться подальше от семьи Финч после того, как, повстречав у церкви старшую из сестер, некоторое время не мог думать ни о чем другом, как о прелестной молодой вдове. Кто мог подумать, что судьба столкнет его снова с этой семьей, да еще и в такой неловкой ситуации?

– Если тебе станет легче, скажу, что, став старше, брат больше не спасал меня, когда нам подавали рисовый пудинг! – воскликнул Джеймс слишком весело, учитывая его внутреннее состояние.

В следующую секунду он затаил дыхание, услышав треск под ногой девочки, когда та сползла на следующую ветку. И вновь ей удалось преодолеть препятствие без затруднений, и уже двое наблюдателей выдохнули. Было очевидно, что ребенок сам напуган собственной смелостью, чему, вероятно, способствовали лица стоящих внизу людей. Джеймс успокаивал себя тем, что девочка была, к счастью, уже довольно низко, и он смог бы при необходимости поймать ее.

– Почему?

Смех девочки вывел Джеймса из задумчивости и отвлек от размышлений о том, как давно он не встречал женщину, столь же безрассудную и храбрую, как Вирджиния. Несмотря на копну золотистых волос и большие голубые глаза, она напомнила ему Амели, дочь Хебе. Именно своим упорством и стойкостью, не позволяющей показать, что испугалась, она походила на ту малышку, которую

он увез из Парижа по просьбе матери Хебе. В дни разгула революционного террора несчастная женщина потеряла мужа и сына, дочь ее пала жертвой предательства, но она сохранила достаточно мужества, чтобы расстаться с единственной внучкой. Теперь ответственность за ребенка и то, что у нее будет лучшая жизнь, чем у матери, лежала на Джеймсе, и это временами приводило его в ужас.

– Мы не всегда ладили, – признался он, хотя это было не совсем правдой. Они с Люком не любили ругаться и спорить, но, начав, не могли сдержаться.

– Мы с Джеком постоянно ссоримся, – с пониманием отозвалась девочка.

– Он твой единственный брат? – спросил Джеймс и покосился на предполагаемую сестру.

– О нет, у нас есть Нэн, но он еще совсем маленький, только учится ходить, потом я, потом Джек, он на два года старше. Софи пятнадцать; Джош учится в Оксфорде. Джоанна совсем взрослая, она выходит замуж в ноябре. А самая старшая Ровена, ей уже очень много лет; она жила со свекровью, а теперь вернулась домой. Только бы она с нами осталась, хоть она и старая, с ней весел ее, чем с Софи. Хорошо иметь хоть одну старшую сестру, которая не ругается.

Жаль, что сейчас Джеймс не мог увидеть, как отреагировала на эти слова старшая дочь мистера Финча.

– Твои родители, наверное, все время заняты, у вас такая огромная семья, – сказал Джеймс, стараясь выглядеть спокойно.

– Да, мама и папа все время что-то делают. У папы еще есть ученики и много работы, мама говорит, удивительно, что мы вообще его видим.

– Значит, ты дочь преподобного Финча?

– Почему все так это говорят, будто не верят, что такое возможно? – надулась девочка.

– Лично мне трудно представить, – усмехнулся Джеймс и вновь затаил дыхание, видя, как маленькая ножка тянется вниз, нащупывая опору.

За спиной послышался шум. Он обернулся и увидел спешащего на поляну мальчика. Задрав голову, оба вскрикнули. Просить их не шуметь было поздно.

– Святые угодники, Ровена, на этот раз она точно расшибется! – закричал мальчик.

Младшая сестра его подняла голову, ахнула, покачнулась на слишком тонкой ветке, та треснула под ее весом и надломилась. Надо отдать должное ловкости девочки, она попыталась ухватиться за другую, ближайшую. У Джеймса сердце подпрыгнуло от страха. Он был единственным, кто стоял достаточно близко, чтобы успеть поймать падающего ребенка. Следовало быстрее принимать решение. Он несколько раз поднял и опустил голову, пытаясь рассчитать место, где лучше встать, и начал шептать молитву, уповая на милость Господа.

Несмотря на то что девочка была маленькой и легкой, ветки под ней ломались одна за другой. Джеймсу стало жутко, стоило представить, сколько они оставят синяков и царапин, которые тоже причинят немало боли, если удастся избежать худшего.

– Остановись, – крикнул он рванувшему вперед мальчугану, – ты ей ничем не поможешь!

Джеймс надеялся, что старшая сестра проявит рассудительность и удержит брата. За спиной стало тихо, должно быть, она так и сделала. Джеймс занял, как предполагал, выгодную позицию, поднял голову и увидел летящего на него ребенка. Юбки ее раздувались, девочка махала руками, будто они могли превратиться в крылья и помочь ей.

Не отрывая взгляда от ребенка. Джеймс потоптался, сделав несколько шагов то в одну сторону, то в другую, стараясь занять наиболее удачное положение. Девочка обрушилась на него неожиданно сильно, но ему удалось удержать ее, вырвать из лап смерти, уже маячившей на поляне тенью. Перед глазами неожиданно возникла картина лежащего на земле бесстрашного ангелоподобного ребенка, Джеймс зажмурился на мгновение, чтобы прогнать видение, и отступил на шаг назад, чтобы устоять на ногах, но не смог.

Озабоченный тем, как спасти девочку от гибели, он даже не подумал, как храбро она вела себя.

События нескольких секунд вновь пронеслись в его голове. Боль в ребрах и грохот сердца в груди подсказали, что он лежит, придавленный телом девочки к земле, покрытой жухлой листвой, и судорожно прижимает к себе ребенка. На мгновение Джеймсу показалось, что им обоим удалось отделаться ушибами и царапинами, затем он ощутил, как нога его скользнула по чему-то твердому, выпирающему над землей, – корню дерева, тянущемуся к девочке, словно он отказывался признавать ее спасение. Подхватив ребенка, Джеймс не смог удержать равновесие, впрочем, он думал тогда не о себе, потому и упал, довольно неловко, прямо туда, где земля была пронизана корнями, о которые он и ударился затылком. В голове раздался гулкий звон, и свет, взорвавшийся напоследок ослепительной вспышкой, померк в глазах.

Глава 4

– Милостивый Боже, Эс, что ты натворила? – закричал Джек.

Ровена отпустила его, и он рванул к темноволосому незнакомцу, все еще прижимавшему к себе ее младшую сестренку. Увидев, как тот упал на землю, ударившись затылком о корень дуба, девушка оцепенела. Звук удара был сильным, как выстрел. Или в лесу действительно кто-то стрелял?

Не имея возможности как следует поразмышлять над произошедшим, Ровена бросилась к мистеру Уинтерли, а это, без сомнения, был он.

– Спокойно, Джейкоб Финч, – распорядилась она, зная, что, услышав свое полное имя, брат успокоится, а она получит несколько секунд, чтобы прийти в себя и преодолеть сжавший легкие спазм.

Ровена опустилась на колени, обхватила сестру и потянула к себе.

– Можете отпустить ее, – прошептала она мужчине, не вполне понимая, в сознании ли он.

Младшая сестра хрипло застонала, и это опять повергло Ровену в ужас, заставив забыть обо всех остальных проблемах.

– Отпустите же ребенка! – воскликнула она так громко, как сама от себя не ожидала.

Мужчина застонал и разжал объятия, выпуская сжавшуюся от страха девочку. Она даже показалась Ровене меньше ростом и более хрупкой, чем была на самом деле. Освободившись от давящей ноши, он вздохнул полной грудью и опять застонал.

– Все хорошо, Эс, дыши глубже, – воскликнула Ровена.

– Что ты натворила, Эстер? – не унимался стоящий рядом Джек. От страха он не мог подобрать другие слова. – Как ты могла?

– Тихо, Джек, – остановила его Ровена. Она сама не понимала, как ей удается сохранять хотя бы видимое спокойствие. – Ты говоришь так, будто готов задушить сестру, а не помочь. Она жива, так что успокойся и скорее беги за подмогой. Надо отнести Эстер домой и позаботиться о мистере Уинтерли. Мы обязаны ему жизнью сестры, – добавила Ровена и многозначительно посмотрела на Джека, заметив, как он косится на мужчину с таким видом, будто тот – последний человек на свете, о котором следует беспокоиться.

– Наверное, я напугал ее своим криком, вот она и сорвалась, – произнес мальчик, понуро опустив голову.

– А прежде заставил опять залезть на дерево, к которому ей строго-настрого запрещено даже подходить. Ты не виноват. Давай поспеши, беги в Райн-Хаус, дорогой, а о том, кто и в чем виноват, мы поговорим позже. Скажи конюхам или слугам, чтобы подготовили носилки, а лучше удобную повозку. Ему нужен врач, а дом лорда Лафрена ближе всего.

– Даже если мама и папа дома, не думаю, что они смогут его перенести, нужны сильные мужчины.

– Нет, беги к сэру Гидеону и объясни, что произошло. Он знает, как поступить.

– Не вздумай сказать хоть слово леди Лафрен, парень, – тихим шепотом проговорил мистер Уинтерли.

– Ты слышал? Делай, как велит джентльмен, – сказала брату Ровена. – Ступай же скорее!

Помявшись немного, Джек бросился бежать со всех ног, и Ровена вздохнула с облегчением. Забота едва живого мужчины о Калли тронула ее сердце, но она поспешила сосредоточиться на том, что было главным сейчас. Если она действительно слышала выстрел неосмотрительного охотника, забредшего в этот уголок леса, то у нее есть повод для беспокойства за двух искателей приключений, чего вполне достаточно для одной слабой женщины.

Эстер понемногу приходила в себя и жадно глотала ртом воздух, краски стали возвращаться на ее бледное лицо. Ровена принялась растирать ей грудь и чуть наклонила вперед, чтобы сестре стало легче дышать. При этом она не сводила глаз с мужчины, хмурясь от беспомощности и невозможности облегчить его очевидную боль. Теперь, когда все было позади, в голову закралась мысль, что бы могло произойти, если бы на поляну не забрел этот скучающий джентльмен. Даже если он не ранен неосторожным выстрелом, звук при ударе головой о корень дерева был оглушающе сильным, а значит, травма его серьезна. Впрочем, откуда здесь столько крови, если выстрела все-таки не было? Ровена с трудом перевела дыхание.

Стараясь не выдать своего внимания, она бегло осмотрела мужчину, надеясь выявить очевидные повреждения. В некоторых местах его темно-синий костюм был испачкан, к тонкому сукну прилипли листья и кусочки коры, щегольские сапоги из тонкой кожи были покрыты пылью. Темные волнистые пряди мистера Уинтерли, подсвеченные лучами солнца, совсем как тогда, у церкви в прошлое воскресенье, блестели, словно покрытое лаком эбеновое дерево. Но сейчас волосы растрепались и с одной стороны слиплись от крови, которая сочилась из раны на затылке.

У Ровены тревожно сжалось сердце: мистер Уинтерли ранен, и довольно серьезно! Наклонившись, девушка попыталась определить, что стало причиной кровотечения, и пришла к выводу, что дело не в огнестрельном ранении. К несчастью, о пулевых ранениях Ровена знала немало…

У мистера Уинтерли, вероятнее всего, был сильный ушиб и рассечена кожа на затылке. Мужчина не стонал, но, кажется, находился в сознании, что, по ее мнению, было невозможно при смертельно опасной травме. Впрочем, может, он не хотел пугать еще больше несчастную девочку. Все к лучшему, сейчас Ровене не хотелось бы слушать его и, краснея от смущения, признать, что спасение сестры заставило незнакомца забыть о себе. Несмотря на внешний лоск, он оказался порядочным человеком, хотя, видя его каждое воскресенье с того дня, как он поселился в Райн-Хаус, она убеждала себя в обратном.

Лежать на корнях дерева было неудобно, но Ровена побоялась перетащить Уинтерли в другое место, опасаясь причинить больше вреда, чем пользы. Один из военных хирургов однажды сказал ей, что усилия, предпринятые с целью помочь раненому, порой опаснее вражеских пуль. Она подумала о том, что стоит снять платок и положить мужчине под голову, но отказалась и от этой идеи.

Жизни мистера Уинтерли ничто не угрожало, но он, вероятно, получил сотрясение мозга, а, потому лучше дождаться доктора. Обследовав Эстер, Ровена пришла к выводу, что та могла сломать одно или два ребра, падая на Уинтерли со скоростью пушечного ядра. Размышления увлекли ее в прошлое, где на поле боя взрывались снаряды, свистели пули и гибли воины, а жены ждали их возвращения в немом оцепенении, рискуя в любую минуту стать вдовами.

Ровена повела плечами и вздохнула. Не стоит думать о трагическом конце, который ждет ее и всех женщин, потерявших мужей и любимых на войне. Она постаралась прогнать навязчивые мысли об ужасных событиях прошлого и сосредоточиться на не менее тревожных моментах настоящего.

– Она в порядке? – с трудом произнося слова, спросил мужчина.

Ровена перевела взгляд на Эстер – та беззвучно плакала. Что-то подсказывало ей, что слезы эти вызваны не только ушибами, но и раскаянием в совершенном проступке, а может, и страхом наказания. От сочувствия к сестренке и доброму джентльмену, пришедшему ей на выручку, Ровена сама готова была разрыдаться. Все, что ей оставалось, – не выпускать девочку из объятий и утирать слезы платком, который был уже хоть выжимай.

Поцеловав Эстер в щеку, Ровена наконец ответила:

– Не сомневаюсь, с ней все будет хорошо, если она прислушается к словам взрослых и перестанет изо дня в день забираться на деревья. Правда, милая? – Она прижала к себе девочку, и та слабо улыбнулась.

– Перестанет, – пролепетала она и вздохнула.

Младшая сестра была своенравным сорванцом, но Ровена любила ее так сильно, что почти физически ощущала сейчас ее боль.

– Приятно слышать, – произнес Уинтерли и побледнел еще больше, а потом и вовсе потерял сознание.

– Ро, он умер? – неожиданно громко спросила Эстер.

– Нет, милая, этот джентльмен сильно ударился головой и теперь, вероятно, потерял сознание.

– Выглядит так, будто умер, – добавила сестра уже шепотом.

– Нет, не волнуйся. Через пару дней он будет совершенно здоров. Ох, надеюсь, Джек уже добрался до Райн-Хаус. Ты ведь знаешь, он может бежать быстрее ветра, если захочет. Доктор Харбери скоро будет здесь и сделает все необходимое, а также велит несколько дней не вставать с постели. Тебя, скорее всего, мама заставит поступить так же, чтобы точно избежать нежелательных последствий. И не смотри на меня так, – добавила Ровена, перехватив возмущенный взгляд сестры.

Похоже, Эстер окончательно пришла в себя.

– Ты же знаешь, как я не люблю сидеть дома, когда на улице так хорошо и светит солнце.

– Что ж, будем надеяться на дождь, – пожала плечами Ровена и посмотрела на ясное небо.

Мысли о дожде напомнили о скорой зиме. По спине пробежала дрожь, стоило Ровене подумать о темных вечерах и бесконечных ночах, которые ей предстоит

провести в одиночестве.

– Дождь еще хуже.

– Да, склизкая грязь под ногами и перепачканные чулки.

– Ох, не вспоминай! – воскликнула Эстер, скривилась с отвращением и прижалась к старшей сестре, отвлекая внимание на себя от неизвестного мистера.

Ах, если бы не он, Ровена могла бы сейчас отнести Эстер домой и послать за доктором. Ей не пришлось бы ждать, пока кто-то займется Уинтерли, а они смогут вернуться в дом викария в Кинге-Райн. Там Ровена с удовольствием передала бы заботу о ребенке отцу и матери и постаралась привести в порядок свои мысли. Она не имеет права быть настолько эгоистичной, чтобы думать об этом рядом с лежащим без сознания человеком. Если бы он не оказался у дерева, Эстер, возможно, была бы мертва и лежала сейчас на земле вместо него. Просто чудо, что все закончилось именно так. Уинтерли пострадал из-за собственного благородства, а она готова послать его к черту. Так поступают лишь неблагодарные женщины, она должна покаяться и исправиться. К счастью, ее отец не имел склонности осыпать проклятиями прихожан и членов семьи за грехи и не требовал постоянного покаяния.

Уинтерли напомнил ей мужа, лежавшего так же неподвижно после битвы при Вимейру. Несмотря на загар, он был бледен, словно кожа отталкивала все неестественное и скрывавшее суть.

Мужчина по-прежнему лежал неподвижно, лишь мышцы лица напряглись, когда он сжал зубы. Похоже, ему очень больно, но он не хочет пугать стонами ее маленькую сестру. Ей придется сидеть здесь, обняв напуганную Эстер, пока не подоспеет врач. Ровена подспудно знала, что не сможет еще раз посмотреть ему в глаза, в которых видела мольбу о помощи, хотя признаться себе в этом не посмела бы.

После событий сегодняшнего дня у мистера Уинтерли сложится о ней невысокое мнение. Она стояла, будто окаменевшая, а он делал все, чтобы спасти ребенка, о существовании которого ничего не знал до этого дня. Ровена поежилась от чувства собственной бесполезности и покосилась на Эстер. Хочется верить,

девочке не передалось ее беспокойство. Вид раненого мужчины прямо перед глазами напоминал о войне и пережитом ужасе. Освободив руку, Ровена осторожно положила ладонь на лоб Уинтерли, словно хотела таким образом извиниться за бездействие. Тепло его кожи подействовало на нее неожиданно успокаивающе. Осмелев, она решилась внимательно осмотреть голову и убедилась, что кровь, к счастью, не течет из ушей. По непонятной причине Ровена сочла это благоприятным знаком. Жаль, что она не может понять его состояние лучше, ведь ей неизвестно, какие реакции должны быть у человека после подобной травмы.

Прошли годы, теперь Нейт остался в ее памяти молодым офицером, почти юношей, а не зрелым мужчиной. При этом он был храбрым воином, а не холеным джентльменом. Но странным образом беспокойство за Уинтерли и интерес к нему вытесняли мысли о муже. Ровена перевела дыхание. Сейчас она не должна поддаваться чувствам, а сохранять здравомыслие и способность действовать, которые могут понадобиться ей в любой момент, ведь под этими шелковистыми прядями может скрываться смертельная рана. Ровена вспомнила треск, который раздался при падении, казалось, от такого удара голова может расколоться пополам. Жаль, что на Уинтерли не было касторовой шляпы, без которой лорд Лафрен не выходил на улицу, – головной убор мог бы смягчить удар.

Кончиками пальцев Ровена стала перебирать пряди волос и сразу почувствовала, как Уинтерли напрягся. Вероятно, он боялся, что прикосновения причинят боль. Она отдернула руку. Столь внезапное желание прикоснуться к мужчине весьма странно и неуместно, учитывая обстоятельства. К ее удивлению, губы раненого растянулись в слабой улыбке. Даже в таком плачевном положении он хотел казаться не жалким, а прежним модником с Бонд-стрит. Если так, то его состояние не должно внушать опасений. Уинтерли шевельнул пальцами, будто стремился поднять руку и коснуться руки Ровены. Она накрыла его ладонь своей, он слабо сжал ее пальцы, и это показалось вполне естественным, ведь того хотели оба.

Сознание стрелой пронзило напоминание о данном себе слове никогда больше не выходить замуж и не искать внимания мужчин. Ровена поклялась себе в этом, стоя у тела мужа, в день, когда он умер. Однако она не могла найти в себе силы убрать ладонь. Ровена ощущала нечто большее, чем просто тепло человеческого тела, – нечто необъяснимое тонкой струйкой перетекало в ее тело и заставляло сердце трепетать. Она впервые отчетливо осознала, что прикоснулась к мистеру Уинтерли – загадочному и неприступному аристократу с безупречными манерами

и внешностью византийского принца. Между ними была пропасть, но сейчас, держа его за руку, она забывала об этом. Ровена сидела, словно зачарованная, прислушиваясь к разливавшемуся внутри теплу, удивленная тем, что может после испытанного шока ощущать нечто подобное.

Размышления Ровены прервал резкий, словно предупреждающий об опасности крик птицы. Эстер зашевелилась, пытаясь освободиться из ее объятий. Ровена очнулась и сразу вспомнила, где они и что произошло. Сейчас она не могла отпустить сестру, как и оставить лежащего на земле мужчину. Было бы неправильно бросить его, как раненого воина на поле боя.

– Осторожнее, милая, ты можешь сделать больно себе и мистеру Уинтерли, если будешь вертеться. Не хочу, чтобы ты причинила себе еще больше вреда, пока тебя не осмотрит доктор Харбери и скажет, что твоя последняя попытка убиться насмерть не закончилась серьезной травмой.

– Я не хотела сделать ему ничего плохого, Ро, – прошептала Эстер, сдерживая слезы, которые снова показались на ее глазах.

– О, милая моя, я знаю, и он тоже это поймет, когда придет в себя.

Воспользовавшись возможностью переключить внимание на сестру, она высвободила руку из пальцев Уинтерли и погладила белокурые локоны Эстер. Та подняла на нее заплаканные глаза.

– Все очень тебя любят, милая, ты ведь это знаешь, правда?

Сестра захлопала голубыми глазами и посмотрела на нее с сомнением:

– Не думаю, что сейчас многие бы с тобой согласились.

– Этот джентльмен спас тебе жизнь, потому что ты ему понравилась.

– Это хорошо, правда?

Ровена заметила, как губы мистера Уинтерли слегка шевельнулись, словно наивное высказывание девочки его развеселило. Даже в таком положении он,

кажется, считал сестру достаточно милой для всех потраченных на ее спасение усилий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bikon_elizabet/37409-vozrast-chuvstvennosti

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити